

УДК 327.8 + (575.2)

**ЗАПАДНЫЙ ПРОЕКТ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ КЫРГЫЗСТАНА:
ДЕКЛАРИРУЕМЫЕ ЦЕЛИ И КОНЕЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ**

Н.С. Таткало

Анализируются причины негативных результатов либерально-демократических реформ в Кыргызстане через призму интересов США и особенностей политической культуры населения республики.

Ключевые слова: США; Кыргызстан; классический либерализм; либеральная демократия; НПО; МВФ; рыночная экономика; национальная безопасность; национальные интересы.

**WESTERN PROJECT OF KYRGYZSTAN LIBERALIZATION:
DECLARED AIMS AND FINAL RESULTS**

N.S. Tatkalo

The article focuses on the analysis of reasons for negative results of liberal and democratic reforms in Kyrgyzstan through the prism of the USA's interests and peculiarities of political culture of Republic's population.

Keywords: USA; Kyrgyzstan; classical liberalism; liberal democracy; NGO; IMF; market economy; civil society; national security; national interests.

1991 г. обозначил новую страницу в новейшей истории суверенного Кыргызстана, который стал утверждаться на мировой арене в качестве полноправного независимого актора. Приоритетными задачами, стоявшими в начале 1990-х гг. перед государством, стали:

- форсированное освобождение от атавизмов советской системы в форме командно-административной экономики и монополии КПСС;
- переориентация внутренней и внешней политики на ценности либеральной демократии, которая виделась руководству страны в качестве единственно возможной альтернативы.

С одной стороны, такая ситуация явилась следствием длительного существования Кыргызстана в условиях жесткого противостояния двух политико-экономических систем социализма и капитализма с диаметрально-противоположным идеологическим наполнением. С другой стороны, на фоне разрыва сложившихся в советский период торгово-экономических связей, обеспечивавших сбалансированное развитие республики, она нуждалась в финансовой помощи, которую в достаточном объеме могли предоставить международные финансовые институты, а также правительства развитых стран Запада. Непременными же условиями предоставления этой помощи являлись трансфор-

мация политической системы на основе демократических принципов и либерализация экономики.

Однако результаты предлагаемой западной помощи в аспекте роста благосостояния населения и стабильного функционирования политической системы оказались диаметрально противоположными заявленным целям. Кыргызстан единственный из центральноазиатских республик провел максимальную либерализацию экономики. С одной стороны, это было обусловлено отсутствием крупных месторождений углеводородов, с другой – преобладанием политических и узкокорыстных интересов в среде элиты над доминантами экономической рациональности. В итоге, руководство республики фактически потеряло контроль над экономическими процессами в обмен на предоставляемые кредиты и гранты. Важным моментом в этом отношении явилось подписание руководством страны в 1993 г. соглашения с МВФ о программе экономических реформ, которая включала в себя сокращение государственных расходов на социальные программы и субсидирование экономики, форсированную приватизацию и пассивное реструктурирование производственных фондов, либерализацию цен и заработных плат, а также создание благоприятных условий для импорта товаров [1, с. 125].

Данные меры привели к коренной реструктуризации экономической системы страны, результировавшей в затяжную рецессию. Так, реформирование аграрного сектора должно было способствовать оформлению пула фермеров, которые в силу своей мотивации получения высокой прибыли станут драйверами этого сегмента экономики. Однако реформы, наоборот, стали причиной падения производительности в сельском хозяйстве республики в силу:

- во-первых, отсутствия у крестьян опыта частного предпринимательства;
- во-вторых, постепенного износа производственных фондов аграрного сектора, аккумулярованных в советский период, вкуче с невозможностью приобретения современной техники из-за высоких цен на нее и высоких процентных ставок по кредитам;
- в-третьих, отсутствия налаженных каналов сбыта продукции в связи с мелкотоварностью производства и фактической ликвидацией системы государственных закупок.

В результате в настоящее время сельское хозяйство КР носит экстенсивный характер, предполагающий ведение фермерского хозяйства полунаатурального типа [2, с. 81].

Между тем форсированный и неконтролируемый процесс приватизации государственных предприятий стал причиной их разорения, а также сокращения доли промышленности в структуре ВВП республики на фоне кардинального урезания отраслевого спектра промышленности – со 130 отраслей до 17. В настоящее время рост промышленного производства, по данным Министерства экономики КР, формируется, прежде всего, за счет предприятий по разработке золоторудного месторождения “Кумтор” [3].

В свою очередь, на фоне системного кризиса в аграрном секторе и промышленном производстве в условиях максимального благоприятствования для импортных товаров республика, выполняя обязательства соглашения с МВФ, превратилась в центральноазиатский пункт импортно-реэкспортных операций с товарами китайского происхождения и стала одним из центров экспорта дешевой рабочей силы.

В этом отношении примечателен тот факт, что непосредственные доноры и консультанты по процессам либерализации экономики КР изначально понимали весь негативный потенциал, заложенный в навязываемых ими реформах. Уже в первые годы независимости стран ЦА сенатор А. Кренстон на заседании Комитета по международным отношениям Сената США в своем докладе на основе проведенного анализа результатов первых реформ ут-

верждал, что “...рыночная экономика не является лекарством для экономик Центральной Азии. Быстрое движение к рыночным ценам, приватизации и прекращению государственного субсидирования экономики является экономически разрушительными явлениями для этих стран и может привести к нежеланию населения двигаться в направлении капитализма, поскольку люди уже понимают, что взамен старой плохой экономической системы они не получили никакой” [4, с. 1–3].

Но, несмотря на кризисные явления в социально-экономической сфере, государство продолжало проводить политику по сокращению государственных расходов на социальные нужды (сокращение социальных программ, дотаций, льгот), ограничению бюджетных ассигнований на образование и здравоохранение. Решающую роль в проведении руководством страны данного социально-экономического курса, наряду с МВФ, сыграло американское агентство ЮСАИД, представители которого участвовали в расширенных заседаниях Правительства КР по разработке стратегических программ развития экономики. Под руководством ЮСАИД была “коммерциализирована” система здравоохранения республики, реформирована система налогового управления и формирования государственного бюджета, разработано коммерческое законодательство [5, с. 104].

Влияние международных организаций затронуло и сферу национальной безопасности республики. В частности, в структурах Министерства обороны КР, Министерства внутренних дел КР, ГКНБ и Национальной гвардии КР активно действуют представители иностранных и международных спецслужб [5, с. 115]. Также, созданный в Бишкеке Региональный институт специальных исследований полностью находился на обеспечении американской стороны, а переведенные в его состав офицеры ГКНБ были выведены из его подчинения, что напрямую указывает на функционирование этого института в интересах США.

Между тем, реализация программы ОБСЕ по реформированию правоохранительных органов в период с 2003 г. по 2006 г. негативно отразилась на их эффективности. Выполнение требований демократизации, демилитаризации и деполитизации органов правопорядка через большую подотчетность гражданскому обществу в лице прозападных НПО, от которой зависят объемы выделяемых донорских средств по линии ОБСЕ, привела к появлению в открытом доступе информации, квалифицируемой в качестве государственной тайны [5, с. 115]. В частности, в 2011–2012 гг. в открытом доступе оказалась информация о штатной численности и бюджете МВД.

Вместе с тем требования НПО ввести запрет на участие органов правопорядка в политических событиях и преследовании политических лидеров размывают функции правоохранительных органов, когда становится невозможно определить противоправные действия от реализации права на свободу собраний, что является причиной их деморализации. В частности, решающую роль в неконституционной смене власти в 2005 и 2010 гг. сыграла слабость правоохранительных органов республики вследствие их технической неподготовленности к такому развитию событий, а также бегство руководства страны. При этом если в первом случае успех “цветной революции” можно было объяснить приказом не применять оружия в отношении митингующих, то во втором – несмотря на его использование, правоохранительные структуры также были не в состоянии оказать сопротивление. В последующем события на юге Кыргызстана в 2010 г. подтвердили слабость органов правопорядка, что обосновывалось западными экспертами их непрофессионализмом и отсутствием опыта в разрешении этнических конфликтов [6].

В сфере политического строительства в КР огромное влияние приобрели НПО, специфической чертой которых было то, что они не являлись агентами непосредственно гражданского общества Кыргызстана, поскольку также финансировались странами Запада, прежде всего США. При этом важно отметить обозначившуюся зависимость между изменениями, которые в 2000-х гг. произошли в геополитическом раскладе сил в Центральноазиатском регионе, а именно: усиление позиций России и КНР, и трансформацией направленности деятельности проамериканских НПО – значимость экономико-экологических вопросов отошла на второй план перед проблемами соблюдения и защиты прав человека, независимости СМИ, честной организации избирательного процесса, а также приоритетов внешнеполитического курса республик ЦА [7].

Согласно исследованию редакции сайта StanRadar.com, проведенному в 2014 г., девять из десяти последних на тот момент заявлений, сделанных прекратившим свое существование в том году “Советом правозащитников Кыргызстана”, содержали негативные характеристики внешней политики России и создаваемого ЕАЭС [8]. В свою очередь, принимая во внимание критические статьи западных авторов в отношении перспектив вступления КР в ЕАЭС, а также резко отрицательную оценку динамики углубления российско-кыргызских отношений, якобы негативно отразившихся на состоянии демократических институтов в КР экс-посла США в КР П. Спратлен, можно сделать

вывод о том, что основная часть широкого пула НПО в КР имплицитно занимается лоббированием национальных интересов США. При этом в самих США еще в 1938 г. законом об иностранных агентах была запрещена деятельность любого физического или юридического лица, которые финансируются другим государством либо международной организацией, поскольку они являются трансляторами интересов внешних акторов и соответственно представляют непосредственную угрозу национальной безопасности США.

В итоге сложившаяся в Кыргызстане ситуация в корне противоречит постулатам классического либерализма. Согласно основоположнику чикагской школы либерализма М. Фридману, во-первых, свободный рынок является необходимым, но не единственным условием формирования свободного гражданского общества, во-вторых, ни одно государство, в основе функционирования которого лежат принципы свободного рынка, не будет стабильным, до тех пор пока не будет определена система общих ценностей и “правил политической игры”, обязательных для соблюдения всеми членами общества [9].

В свою очередь, в КР отсутствует социальный заказ на либерально-демократические ценности: частная собственность, индивидуализм, “минимальное государство”. На это также указывал в упомянутом выше докладе по Центральной Азии американский сенатор А. Кренстон: “Мантра рыночных отношений фактически не имеет никакой ценности для населения, у которого отсутствует опыт владения частой собственностью, ведения бизнеса и экономическое поведение которых не реагирует на цены” [4]. Между тем результаты исследования, проведенного в 1997–2003 гг. в КР американским ученым М. Лиу, свидетельствуют о том, что для населения республики идеалом выступает патерналистское государство, которое состоит в морально-этических связях с обществом [10, с. 229]. Население КР ориентировано на ценности социальной справедливости, понимаемой в контексте не социальной иерархизации, обусловленной умением человека распорядится своими способностями в условиях максимальной свободы от государственного вмешательства в этот процесс, а социального равенства и перераспределения государством полученных доходов на основе разделяемых всеми нравственных норм. Отсюда и дисфункциональность политической системы КР, выстраиваемой по навязываемым западным лекалам, не отражающим политических предпочтений и культурного кода граждан республики, что является очевидным фактом и для руководства главного транслятора либеральных ценностей – США.

Исходя из этого, логично звучит тезис о том, что навязываемые Западом проекты либерализации и демократизации политической и экономической систем КР, декларируемые как необходимые шаги в деле ревитализации социально-политической и экономической жизни республики, в сущности, являются буафорией, а действительные намерения западных доноров лежат в плоскости вовлечения республики в зону своих интересов и ее десувверенизации. Более того, беспрекословное следование рекомендациям западных консультантов негативно сказывается на системе национальной безопасности республики – ее способности адекватно и оперативно реагировать на внутренние и внешние угрозы. При этом следует отметить, что фактическое вмешательство западных сил во внутренние дела КР, прежде всего, через сеть НПО, напрямую противоречит догмам классического либерализма, согласно которым только сами граждане наделены правом определять правила взаимодействия с государством, а также степень его допустимого вмешательства в общественную жизнь [9]. Следовательно, до тех пор, пока в Кыргызстане не будут четко определены цели, направления, формы и методы дальнейшего самостоятельного политического развития, республика будет оставаться уязвимой перед лицом внешнего деструктивного влияния.

Литература

1. *Иванов С.Г.* Роль внешнеполитических факторов в процессах трансформации экономики Кыргызской Республики / С.Г. Иванов. Бишкек, 2009.
2. *Омаров Н.М.* Государства ЦА в эпоху глобализации: поиски стратегии развития / Н.М. Омаров. Бишкек, 2008.
3. Информация об итогах социально-экономического развития Кыргызской Республики за январь–октябрь 2016 г. URL: http://mineconom.gov.kg/Docs/Macroeconomic%20policy%20department/Itogi_SER_yan_okt_2016.pdf
4. Central Asia in Transition. A Report to the Committee on Foreign Relations of the United States Senate by Alan Cranston. September 1992. U.S. Government Printing Office. Washington D.C., 1992.
5. *Верещагин А.А.* Геополитическая конкуренция США, КНР и РФ в Кыргызской Республике / А.А. Верещагин. Бишкек, 2012.
6. *Marat E.* OSCE Police Reform Programmes in Kyrgyzstan and Tajikistan: Past Constraints and Future Opportunities / E. Marat. URL: http://www.eucentralasia.eu/uploads/tx_ictcontent/EUCAMPB-27-EN-OSCE-Police-Reform.pdf
7. *Griffen J.* The Development of Civil Society in Central Asia. 2005 / J/ Griffen, L. Earle, C. Buxton. URL: www.dfid.gov.uk/r4d/.../R7649-report.pdf
8. “Совет правозащитников Кыргызстана” – ангажированность или беспристрастность? Анализ обращений за 6 лет. 7 июля 2014. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/10870-sovet-pravozaschitnikov-kyrgyzstana-angazhirovannost-ili-bespristrastnost-analiz-obraschenij-za-6-let.html>
9. Milton Friedman Speaks: Lecture 4. The Role of Government in a Free Society. URL: http://www.freetochoose.tv/program.php?id=mfs_4&series=mfs
10. *Liu M.* Post-Soviet Paternalism and Personhood: Why Culture Matters to Democratization in Central Asia / M. Liu // Prospects for Democracy in Central Asia: Papers Read at a Conference in Istanbul, 1–3 June 2003, and Additional Chapters / Edited by Birgit N. Schyter. Published by Swedish Research Institute in Istanbul. 2005. Vol. 15.